

A man with a beard and a young child are sitting at a desk in a radio station. The man is on the left, looking towards the right. The child is in the center, looking at a vintage radio receiver on the desk. The room is dimly lit, with a single glowing lightbulb hanging from the ceiling. A window in the background shows a snowy, stormy landscape with a tree branch visible. The overall atmosphere is warm and nostalgic.

Иван Гуляев

**Радиоприемник.
Вещающий в
ЖИЗНЬ...**

Иван Гуляев

**Радиоприемник.
Вещающий в жизнь...**

«Автор»

2026

Гуляев И. С.

Радиоприемник. Вещающий в жизнь... / И. С. Гуляев — «Автор»,
2026

Этот текст — разговор отца с сыном на старом чердаке. Сквозь пайку радиоприёмника, запах канифоли и теплоту ламп они говорят о главном: как устроена человеческая душа, почему боль — это не враг, а резистор, спасающий от короткого замыкания, и зачем каждому из нас свой «камешек в кармане». Нить накала — вера, которая может перегореть. Резистор — страх, не дающий сжечь всё дотла. Трансформатор — умение превращать удар в свет. А детектор — способность ловить тихий голос правды сквозь шум мира. Здесь нет готовых рецептов. Есть честный, мужской разговор о том, как не сломаться, когда предают, как чинить не только приёмники, но и отношения, и как передать сыну главное: даже когда кажется, что всё кончено, можно покрутить ручку настройки и услышать: «Я с тобой». Это книга для отцов и сыновей. Для всех, кто ищет опору в мире, где так много шума.

© Гуляев И. С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Иван Гуляев

Радиоприемник. Вещающий в жизнь...

Глава

Глава из ниоткуда. Тихий скрип чердака. Шуриание насадок.

«О боли и пайке»

Отец: (Не глядя, аккуратно выкручивает лампу)

- Держи. Смотри на неё. Видишь, нить накала? Темная. Перегорела.

Сын: - И что, из-за неё всё сломалось?

Отец: (Кивает) - Одна маленькая штука. Без неё – тишина. Только шипение. Как в человеке.

Сын: - Какая нить в человеке?

Отец: (Откладывает паяльник, поворачивается)

- Та, что греет душу изнутри. Вера. Надежда. Любовь к чему-то. Она может перегореть. От удара. От подлости. От долгой тьмы.

Сын: - И тогда человек... шипит?

Отец: (Хрипло смеётся) - Нет. Тогда он начинает болеть. Внутри. Такой болью, что свет мигает перед глазами, а в груди – будто этот паяльник воткнули. Я знаю.

Сын: (Тихо) - Ты... перегорал?

Отец: (Долгая пауза. Он смотрит на лампу в своих пальцах)

- Не раз. Первый раз – когда мой отец, твой дед, ушёл и не вернулся. Мне было чуть больше, чем тебе сейчас. Я тогда думал – всё. Свет погас. Навсегда.

Сын: - А что ты сделал?

Отец: (Берёт новую лампу из коробки, протирает её об рукав)

- Сначала сидел в темноте. Дни. Потом... потом пошёл в гараж к соседу дяде Коле. Он моторы ремонтировал. Сказал: «Дай что-нибудь подержать». Он дал мне гаечный ключ. Простой, железный, холодный. И знаешь, что я понял, сжимая его?

Сын: - Что?

Отец: - Что я ещё чувствую. Что холод ключа – это реально. Что грани впиваются в ладонь. И пока я это чувствую – я есть. Я не растворился в той боли. Я был больше её. Потом появилась новая нить. Не такая яркая, сначала. Но своя.

Сын: (Берёт перегоревшую лампу, вертит в руках)

- И... это и есть тот камешек? Про который ты в письмах писал?

Отец: (Резко оборачивается. Глаза широко открыты) - Ты... читал?

Сын: (Краснеет, смотрит в пол) - Нашёл коробку. Под старыми журналами. Я... я не всё понял.

Отец: (Выдыхает. Не гнев, а облегчение)

- Хорошо, что нашёл. (Берёт у него лампу, ставит рядом с новой) Так вот. Камешек – да. Это якорь. Но боль... она не враг. Она – как этот перегоревший контакт. Сигнал: здесь нет связи. Ищи обрыв. Чини.

Сын: - А если не знаешь как?

Отец: (Включает паяльник. Кончик начинает краснеть)

- Тогда садись на пол. На холодный пол этого чердака. Дыши. Считай вдохи. И жди. Пока в голове не стихнет паника. А потом – бери в руки то, что можешь починить. Хотя бы вот этот приёмник. Движение руки, концентрация... они лечат. Потому что напоминают: ты можешь. Пусть в чём-то малом. Но можешь. А раз можешь здесь – сможешь и там, внутри.

Сын: (Молча смотрит на краснеющий наконечник)

- Пап... а тебе сейчас больно бывает?

Отец: (Пауза. Он смотрит на сына так, будто видит в нём и мальчика, и взрослого мужчину, которым тому ещё предстоит стать)

- Каждый день, сынок. Не так, как тогда. По-другому. От понимания, что время уходит. От страха за тебя. От воспоминаний, которые, как заноза. Но... (он прикасается паяльником к контакту, раздаётся легкое шипение и запах канифоли) ...но теперь я знаю, что делать с этой болью. Не бежать. Припать к ней смысл. Сделать её частью схемы. Не коротким замыканием, а – сопротивлением. Которое не пускает ток на слом.

ПАЙКА ЗАКОНЧЕНА. ПАУЗА. ЗАТЕМ ТИХИЙ ЩЕЛЧОК – ОТЕЦ ВКЛЮЧАЕТ ПРИЁМНИК В СЕТЬ.

Из динамика: (Сначала шипение, потом, сквозь помехи, прорывается старая мелодия – что-то из 60-х, тёплое, с хрипотцой).

Отец: (Не отрывая взгляда от приёмника)

- Видишь? Нить зажглась. Схема работает. И та старая боль... она теперь не яд. Она – как этот фоновый шум. Часть музыки. Понял?

Сын: (Кивает, не в силах оторвать взгляд от загоревшегося зелёного глаза-индикатора)

- Кажется... да.

ЧЕРДАК. ЗАПИСЬ НА ПЛЁНКУ

[ЗВУКОВОЙ ФОН: ГУДЕНИЕ ЛАМПЫ НА ГИБКОЙ НОЖКЕ. ДАЛЁКИЙ ГОЛУБИНЫЙ ВОРКУН. ТИХИЙ ТРЕСК СТАРОГО ПАРКЕТА ПОД НОГАМИ.]

ОТЕЦ (записывается на плёнку, голос чуть приглушён, с хрипотцой, будто говорит не в микрофон, а прямо в динамик старого «ВЭФа»):

- Сын. Если ты это слышишь, значит, плёнка ещё жива. И я, наверное, уже – нет. Не бойся этих слов. Смерть – она как этот выключатель. Не «конец света», а – «свет выключен». В комнате всё ещё есть. Стол. Стул. Этот радиоприёмник. Просто ты не видишь. Пока не включишь снова. Так и я... я где-то здесь. В запахе припоя. В этом царапине на столешнице – вот тут, левее от тисков. В мелодии, которая вдруг прорвётся сквозь шум. Так что не грусти. Просто включи меня. Как включаешь эту штуковину.

(Щелчок – запись прерывается. Начинается живая сцена.)

СЫН (12 лет, пальцы в пыли, разглядывает открытый корпус):

- Пап, а почему он такой... внутренний? Все эти штуки, как маленькие городки.

ОТЕЦ (снимает очки, протирает их краем футболки):

- Потому что мир, сынок, всегда сложнее, чем кажется снаружи. Красивая деревяшка, а внутри – целая вселенная. Провода – дороги. Лампы – дома, где живёт ток. Конденсаторы – как озёра, накапливают энергию. А вот это...

(Берёт в руки маленький, почерневший от времени цилиндр с двумя выводами.)

...это – резистор. Самая важная, самая незаметная штука.

СЫН: - Почему?

ОТЕЦ (крутит его в пальцах):

- Потому что он – сопротивление. Без него ток пройдёт слишком сильный, спалит всё нафиг. Лампы перегорят, провода расплавятся. Красивый голос превратится в вой и треск. Он стоит на пути и говорит: «Стоп. Не больше этого. Так – безопасно».

СЫН: - А в жизни... бывают резисторы?

ОТЕЦ (смотрит на него так, будто ждал этого вопроса):

- Каждый день. Боль – резистор. Страх – резистор. Даже я, когда говорю тебе «нельзя» или «осторожно» – я твой резистор. Мы их не любим. Нам кажется, они мешают жить на полную. Но они – спасают. От короткого замыкания души.

(Пауза. Сын смотрит на почерневший цилиндр с новым пониманием.)

СЫН: - А... а если сопротивление слишком большое? Тогда ток вообще не пройдет.

ОТЕЦ (хрипло смеётся, кладёт резистор на стол):

- Умница. Попал в точку. Вот это – главная ошибка. Забьёшься страхами, запретами, сомнениями так, что никакой жизни, никакой музыки не будет. Один холодный, мёртвый монтаж. Надо найти свою меру. Чтобы и не сжечь, и – чтобы играло.

СЫН (после минутного разглядывания платы):

- Пап, а что это за штука, на которой написано «ДВ / СВ / КВ»?

ОТЕЦ (проводит пальцем по потёртой надписи):

- Переключатель диапазонов. Длинные волны, средние, короткие. Это как... три жизни в одном приёмнике. На ДВ – голоса своего города, свои, привычные. На СВ – голоса страны. А вот здесь, на КВ... (Переключает тумблер с тихим, властным щелчком.) ...здесь – весь мир. Шум, гул, голоса на незнакомых языках. Музыка, которой нет нигде. И тишина. Космическая тишина между станциями.

СЫН (широко раскрыв глаза):

- И ты... слышал весь мир отсюда?

ОТЕЦ (взгляд его уходит куда-то далеко, за стропила чердака, в прошлое):

- Слушал. Поздними ночами, когда все спали. Ловил «Би-би-си» сквозь глушилки. Слышал, как поют на итальянском каком-то. Как какой-то проповедник в Америке кричит о конце света. И эту тишину... Ту самую. Когда крутишь ручку, а в наушниках – только белый шум. Как дыхание Вселенной. Страшно было. И бесконечно одиноко. И... бесконечно здорово.

СЫН: - Почему здорово?

ОТЕЦ (возвращаясь взглядом к сыну):

- Потому что в этой тишине понимаешь – ты песчинка. Но песчинка, которая **слышит**. Которая может настроиться на голос из-за океана. Или выбрать – отключиться и слушать тишину. Это давало ощущение... свободы. Больше, чем любой паспорт. Пока у тебя есть этот чёрный ящик с лампочками и антенна из проволоки – ты не в клетке. Ты на связи. Со всем.

(Он вдруг резко встаёт, его стул скрипит. Подходит к заваленному хламом углу, копается, вытаскивает моток тонкой медной проволоки.)

ОТЕЦ:

- Вот. Это – антенна. Та самая. Её надо выбросить в окно, на дерево. Она ловит невидимые волны. Как... как душа ловит чужие боли и радости. Если, конечно, не отключить её совсем.

СЫН (берёт моток, чувствует холодный, упругий металл):

- А душу... можно отключить?

ОТЕЦ (пауза. Он смотрит на свои руки):

- Можно. И многие так и делают. Устают слушать шум мира и свою боль. И – щёлк. Переходят на один диапазон. «Только моя семья». Или «только моя работа». Или «только мои обиды». И всё. Остальное – глушится. Приёмник жив, но он... ограничен. Беднеет. Потому что самое интересное – всегда на стыке. На той частоте, где шипение переходит в голос. Где боль переходит в понимание.

(Он снова садится, берёт в руки паяльник. Наконечник уже тёплый.)

ОТЕЦ:

- Так что не бойся длинных волн одиночества. Не бойся коротких волн страсти – они рвутся быстро. Ищи свои средние волны – надёжные, ровные. Но иногда – включай короткие. Лови далёкое. И умея выключать всё. Чтобы слушать тишину. Это и есть – быть живым приёмником. А не просто радиодеталью в красивой коробке.

СЫН (долго молчит, поглаживая проволоку):

- Пап... а мы его починим?

ОТЕЦ (подносит паяльник к контакту. В воздухе запахло канифолью):

- Не «починим». Мы дадим ему голос. Тот, который он выбрал сохранить. И он заговорит с нами. Голосами из прошлого. А мы... мы с тобой сейчас добавим в эту схему наш сегодняшний разговор. Чтобы когда-нибудь, лет через тридцать, твой сын, крутя эту ручку, поймал сквозь шум наш с тобой голос. И понял, что резисторы – это важно. Что антенну нужно выбрасывать в окно. И что на коротких волнах живёт целый мир.

(Раздаётся шипение. Первый припой ложится на контакт. Ремонт начался. Разговор – продолжается.)

[ПЕРВАЯ ПАЙКА ЗАВЕРШЕНА. СХЕМА НАЧИНАЕТ ЖИТЬ.]

Запахи: озон после пайки, воск от старой мебели, сладковатый запах перегретого эбонита. Звук: лёгкий звон металлических пластин, если по ним провести пальцем.

Они сидят на старых ящиках. Между ними – разобранный узел. **Переменный конденсатор**. Блестящие, тонкие пластины, входящие друг в друга.

СЫН (осторожно крутит ручку, слушая мягкий шелест пластин):

- Он как... веер. Или жалюзи.

ОТЕЦ (кивает, наблюдая за его пальцами):

- Точно. Им и является. Он не накапливает, как тот чёрный бочонок. Он – **отбирает**. Слушай.

(Отец подключает конденсатор к тестеру, присоединяет наушник. В нём – белый шум.)

- Крути.

СЫН (крутит ручку. В наушнике шум меняется, густеет, редет, на мгновение прорывается обрывок музыки, потом снова шум).

- Вау! Он ловит!

ОТЕЦ: - Нет. Он **отсекает**. Видишь пластины? Чем больше они заходят друг в друга, тем хуже полоса пропускания. Ты не «ловишь» станцию. Ты **отсекаешь** всё лишнее. Весь шум эфира, все голоса, кроме одного-единственного. Самого чистого. Пока не настроишься до резонанса. Пока не попадёшь в частоту точно.

СЫН (снимает наушник, смотрит на устройство с уважением):

- Значит... это как найти одну нужную мысль в шумной голове?

ОТЕЦ (хмурится, потом мягко улыбается):

- Глубже. Это – про **выбор**. Твой мозг, сынок, – это целый эфир. В нём всё гудит: «Хочу это!», «Боюсь того!», «А что скажут?», «А если не получится?», «А помнишь, как было хорошо?», «А вдруг будет плохо?». Сплошные помехи. И ты сидишь в этих помехах, оглохший, и не знаешь, куда идти.

СЫН: - И что делать?

ОТЕЦ (берёт конденсатор, разбирает его, вытаскивает пакет пластин):

- Делать то, что он делает. **Вручную отодвигать всё лишнее**. Не сразу. По миллиметру. Спросить себя: а что из этого шума – **моё**? Не родителей, не учителей, не друзей. Моё. Голос моей собственной души. Он всегда есть. Но его заглушают. Его надо поймать. И для этого – отключить все остальные передатчики.

(Он берёт кисточку и начинает чистить пластины от тёмного налёта.)

- Вот видишь? Окись. Грязь времени. Она садится между пластинами, и контакт теряется. Ты крутишь ручку, а резонанса нет. Только треск. В жизни так же. Обиды, старые страхи, чужие советы – это окись. Она мешает тебе чётко настроиться на своё. Её надо **счищать**. Постоянно.

СЫН (берет другую кисточку, повторяет отца):

- А как понять, что ты настроился? На... свою волну?

ОТЕЦ (пауза. Он смотрит на пластины, становящиеся всё ярче):

- По тишине.

СЫН: - Тишине?

ОТЕЦ: - Да. Когда ты отодвинул все шумы, все «надо» и «должен», все страхи – наступает тишина. И в этой тишине появляется... не голос. **Ощущение.** Тяжёлое, тёплое, в районе желудка. Как будто всё внутри говорит: «Да. Вот этот путь. Сейчас». Это и есть резонанс. Когда внешнее решение совпадает с твоей внутренней частотой. Не бывает «правильного» выбора, сынок. Бывает – **твой**

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.